

Часть 1. Когда кончается искусство

(Литература и социальная инженерия)

Практически искусство в нашем привычном понимании уже давно закончилось. При всём внешнем благополучии, пышном расцвете полиграфии, безграничном расширении интернет-коммуникаций и обилии ярких, масштабных литературных событий содержательная часть этого вида человеческой деятельности постоянно сжимается, как шагреновая кожа. Мало что сжимается — так ещё и рвётся, и в дырах зияет пустота, катастрофическое отсутствие смысла.

То, что сегодня в разных видах обслуживает так называемую «либеральную» идеологию и разрушает человека, потакая самым низким инстинктам, давно и справедливо обозначено как антиискусство. Самодеятельно-досуговое творчество, вооружённое современными средствами тиражирования и трансляции, даже при полном отсутствии эстетических и этических критериев назвать искусством невозможно. Но если понимать, сколь высоки ставки в глобальной игре, становится ясно, что и подлинное воспитание, сбережение, умножение человеческого в человеке — теперь уже не совсем искусство, точнее, не только искусство, а нечто гораздо большее.

Основная коллизия современности состоит в том, останется ли человек, личность целью и смыслом истории — или он станет средством и даже просто биологическим материалом, сырьём для некоего качественно иного этапа, заявленного как трансгуманистический. Судя по тому, что конец истории объявлен довольно давно, предпочтение уже отдано второму. Решение по логике современной технократической цивилизации вполне прагматичное, ведь при помощи технологий можно довольно легко устранять несовершенство разных уровней жизни — от физиологии конкретного человека до устройства общественного организма.

Вот тут-то и начинается — да, собственно, уже началось — самое интересное: в ответ на технологический рывок последнего столетия человечество стремительно архаизируется, а личность очевидно деградирует. Хотя, казалось бы, — вот они, почти безграничные возможности: твори, выдумывай,

пробуй, — а нет, не в коня корм. Да, несомненно, что-то творится, выдумывается и пробуются — но в общем поле зрения попадают в основном вещи странные, мало пригодные для той реальности, которая бросает нам сегодня вызов за вызовом. Мало того, процессы деградации инициируются и запускаются уже целым рядом социальных институтов — особенно это заметно по кардинальным изменениям в образовании и медицине. То есть, говоря иным языком, один за другим последовательно включаются механизмы самоуничтожения системы. Граница любых технологических возможностей неизбежно оказывается внутри человека, в космическом пространстве его личности.

На снятие внутренних ограничений направлены совокупные усилия массовой культуры, манипулятивных техник типа «окон Овертона», политических решений в отношении традиционных и нетрадиционных семей, педагогических технологий и много чего ещё, но по странной закономерности ограничения снимаются базовые, нравственные — именно те, которые обеспечивают выживание и развитие.

При всех возможностях широкого доступа в сокровищницы искусства всех времён и народов путь к вершинам человеческого духа становится всё более трудным. Ещё раз отметим, что препятствия множатся и громоздятся не вне человека, а внутри него. Внешние преграды напрягают и умножают волю, внутренние её ослабляют и рассеивают. Проблемы накапливаются подспудно, пока всё идёт как идёт — надлом, ослабление, распад почти незаметны. Беда становится очевидной только в сложных, кризисных ситуациях, требующих максимальной мобилизации сил. И вот тогда уже понятно, насколько мы жизнеспособны. Не только как отдельные личности, но и как народ, общество, человечество.

Картина современности вполне могла бы стать предапокалиптической, если бы в центре её не было человека, личности. Ибо в нём заключено всё — и распад, и возрождение, и сама вечность. Главный вопрос нашего времени — человек. А это в первую очередь вопрос художественной литературы — цельной и целостной науки о человеке. Литература образует и воспитывает личность,

даёт ей нравственные ориентиры, связывает её с прошлым, расширяет границы настоящего и позволяет заглянуть в будущее.

В своём социальном итоге литература, оставляя человека свободным в выборе решений, мягко, ненасильственно упорядочивает жизнь. С её помощью мы обретаем духовный опыт и, оставаясь свободными в своих поступках, руководствуемся уже не только личными эгоистическими интересами, но и более высокими соображениями совокупного опыта, общего блага, высшей справедливости. Надо ли говорить, что эти начала и создают народ как уникальную национально-культурную общность, а разрушение основ влечёт за собой угасание и гибель.

Сету на последовательное (уже почти три десятка лет в России продолжающееся) ослабление роли литературы в общественной жизни, а уж тем более вырабатывая стратегию элементарного выживания и сохранения литературного дела, нужно понимать, что происходящее отнюдь не случайно. Литература последовательно и настойчиво отодвигается на обочину общественной жизни вовсе не потому, что её способны заместить информационные технологии, цифровые носители, роботы-поэты или что-нибудь подобное. Ничем её заместить не собираются. Просто инструмент мягкого, ненасильственного упорядочивания общественной жизни меняют на более грубый, примитивный и жёсткий — прямую социальную инженерию.

Социальная инженерия позволяет управлять действиями человека, используя его слабости. Проще говоря, мы имеем дело с откровенной (а к чему уже маскироваться?) манипуляцией. Главная опасность и разрушительная сила её в том, что манипуляция лишает человека внутренней свободы, свободы воли. В результате общество, народ испытывает критический недостаток и воли совокупной — воли к жизни, к развитию, продолжению себя в истории. И остаётся только легонько подтолкнуть его в небытие.

Всем знакомо и выражение советских ещё времён: «писатели — инженеры человеческих душ». Далеко не всем оно нравилось — и вопросы были именно к технической постановке тонкого гуманитарного вопроса, к предполагаемому ограничению свободы воли. Но общественная задача литературы в этой формулировке выражена довольно точно.

Чем же отличается современная социальная инженерия от той, советской попытки создать в обществе ненасильственные принципы управления? Есть три основных различия. Первое — литература обращается к личности, социальная инженерия управляет толпой, массой, массовым сознанием. Второй момент — литература стремится воспитывать высокие чувства, социальная инженерия формирует и эксплуатирует чувства низкие.

И наконец, самый спекулятивный вопрос современности — вопрос свободы. Литература ведёт диалог, в процессе которого свободно формируются выводы, возникают те или иные ориентиры, мотивирующие поступки читателя в реальной повседневной жизни. Социальная инженерия проникает в сознание и подсознание, программируя ориентиры, выбор, поступок. Это не просто несвобода — тотальная диктатура. Поначалу она скрытна, неочевидна, подспудна — но как только массовое сознание оказывается относительно сформировано, при любом отклонении от заданного стандарта включается жёсткий репрессивный аппарат, и теперь уже его действия будут поддержаны управляемым общественным мнением.

Выдержит ли литература в этом противостоянии? Есть ли у неё шансы на серьёзную поддержку со стороны государства? Будут ли нужны писатели своему народу? Эти и очень многие другие тревожные вопросы пока остаются без ответов. Но несомненно одно — мы оказались на глобальном цивилизационном распутье, в напряжённом до предела мире, где человек перестал быть центром и ценностью, а уж тем более мерой вещей. И что может поделать с этим литература, если она всего лишь искусство слова — и не более того?

Начинать ответ на этот вопрос, видимо, следует с того, что сам человек, при всём накопленном о нём знании, продолжает оставаться *terra incognita*. Можно прочесть и переписать геном, разработать технологии управления низкими инстинктами по типу пресловутой собаки Павлова — но всегда, всегда остаётся что-то ещё, и чем больше мы узнаём о себе, тем больше ощущаем неизведанного.

Отчего это происходит? Оттого, что человек, даже упакованный всеми современными флешками и симками, оснащённый подкожными чипами, растворённый в управляемой манипуляторами массе, — остаётся проектом, строящимся зданием, материалом в великом и непостижимом процессе творения. Мы не конечная ступень эволюции, и образцом, «моделью» для нас является внеположный источник. Как только мы об этом забываем, замыкаемся в собственном несовершенстве, внутри и вокруг нас начинается ад. Да, тут более чем уместна та самая формула: ад — это мы сами, замкнутые в собственном несовершенстве.

Пожалуй, самое универсальное понятие о внеположном источнике — это понятие Бога. Замещающая его более «толерантным» понятием «Универсум», философия и культура словно избегают глубокого и очень личного диалога Творца с творением, а именно в свете этого диалога и рождаются главные смыслы нашего бытия — и высочайшая ответственность за него. Находясь в процессе творения, человек переживает разные состояния, в том числе и глубоко кризисные, но, будучи только образом и подобием, в пределах доступной нам реальности

никогда не станет окончательным результатом. И в этом — наша великая надежда.

Так что же может литература? Она может многое. Начнём хотя бы с того, что литература личностна, и чтение — это всегда диалог двоих: писателя и читателя. А где двое — там всегда возникает третье, иное, новое качество. Да, масса — страшная сила, но человек находится в ней не всегда, и вызывать его на разговор по душам книга способна именно в тот момент, когда он один. Взывая к лучшим чувствам и высоким инстинктам, литература воспитывает и поддерживает их, постепенно, подспудно меняя качество сознания, выводя личность из предсказуемой в своих реакциях и прямо управляемой массы в осознанную жизнь.

Вместе с тем трудно не заметить, что социальное поле для общения писателя с читателем катастрофически сужается, критически уменьшается возможность остаться с ним наедине. Неестественное ускорение обыденной жизни, новостные потоки (иногда похлеще селевых), необычайная лёгкость общения в соцсетях — и даже библиотеки сегодня в своей работе с читателем ориентируются не на содержание книг, а на массовость и зрелищность мероприятий. . .

Занимаясь литературным делом, мы напрямую занимаемся человеком. Человек — всегда надежда. Он отвечает на том уровне, на котором к нему обращаются. Он нуждается в смыслах, а не в готовых решениях, потому что дорожит своей свободой воли. Он находится в процессе творения, точнее, мы все находимся в со-творении и со-творчестве. Выход из кризиса — здесь.

Какой должна быть литература сегодня, что реально мы — каждый — можем сделать, чтобы выйти из стужающегося вокруг нас нашего собственного несовершенства? Собственно, литературное дело по своей сути не меняется, меняются атмосфера, предлагаемые обстоятельства, актуальные риски.

Если вести речь об общей атмосфере — понятно, что она, внешне вроде бы относительно благоприятная, внутренне предельно напряжена. И при дальнейшем развитии манипулятивного управления обществом литература не может рассчитывать на системную поддержку — только на ситуативную, личностную. Но и это немало, особенно если стараться вовлекать в литературное общение как можно больше самых разных людей, из всех слоёв общества. Везде есть те, кто понимает ситуацию и осознаёт свою ответственность перед будущим. Их должно становиться в литературном диалоге всё больше и больше.

Говоря об обстоятельствах, динамических факторах, нельзя не принимать во внимание, что литературу сегодня теснят со всех сторон. Экономические, идеологические, политические (именно в таком порядке!) решения идут вразрез с гуманитарными — это естественно, поскольку у них

разные горизонты планирования. Реализация долгосрочной программы действий в условиях диктата сиюминутных решений — та ещё задача, но других обстоятельств у нас для нас пока нет.

И наконец, актуальные риски. Наиболее актуальный — утрата общественного смысла самой литературой. Здесь возможны самые разные модификации. Базовая подмена — вместо осмысления сегодня вполне нормально заниматься самовыражением. Это особенно ярко проявляется в молодой литературе, поскольку молодёжи уже успели всё объяснить про актуальное искусство.

Ещё один риск — место литературы активно стремится занять антилитература. То, что она античеловечна, рядовому читателю становится заметно не сразу, а иногда и вовсе остаётся неочевидно. О ней нужно говорить конкретно, доказательно и постоянно.

И наконец, третий момент — массовая профанация литературного труда. Обилие пустых текстов, вхолостую прокручивающих огромную массу привычной словесной жвачки. Тотальное счастье оттого, что удалось срифмовать две-четыре строчки, — и в принципе неважно, что там получилось. Может показаться, что графоманские забавы, несмотря на их грандиозные масштабы, абсолютно невинны, — но это не так.

Часть 2. До полной гибели всерьёз

(Диагноз: ризома. Прогноз: рандом)

Вернёмся к центральному тезису предыдущей части. В процессе творения человек может развиваться только тогда, когда в его системе понятий есть внеположный образец, идеал, Источник, общепринятое обозначение которого — Бог. Как только внеположный Источник по какой-либо причине исчезает из поля зрения и системы понятий, строительство прекращается, недостройка стремительно ветшает и обрушивается. Начинается ад, который есть мы сами, замкнутые в собственном несовершенстве.

Но ведь и для адской реальности можно найти вполне себе «научные» оправдания! В лексикон нынешних интеллектуалов уже давно вошли два приметных словечка — термины, сопровождающие обоснование, представление и пропаганду произведений «актуального» искусства: «рандом» и «ризомы». Произносить их следует иронично-снижительно по отношению к собеседнику: «Да ведь это же ризома, рандомный принцип!» Конечно, само собой разумеется. Но если говорить на русском языке, не занимая чужого без крайней надобности, язык сам нам всё покажет и объяснит.

Ризома — rhizome, в переводе с французского — корневище, термин, широко применяемый к так называемому «актуальному» искусству.

В «Новейшем философском словаре» толкуется как понятие постмодернистское, означающее принципиально нелинейный способ организации материала творчества (текста) как целого. Такому тексту изначально присуща внутренняя подвижность, соответственно, допускается и бесчисленное количество возможных толкований — «интерпретационный плюрализм» (извините за выражение). «Энциклопедия культурологии» добавляет: «Ризома — воплощение нового типа эстетических связей — нелинейных, хаотичных». А *рандом* (random) в переводе с английского — «случайный», «произвольный».

Переведа термины на русский язык, мы получаем картину совершенно апокалиптическую: вместо целенаправленного развития в сторону идеала нам предлагается «научно обоснованно» *срезанная до корневища ценностно-смысловая иерархия и чисто случайная возможность прорастания здоровых побегов*, которым — внимание! — не дадут подняться выше запланированно-усреднённого, потому что тут у нас ризома, а вы куда намылились? При этом развитие внутри иерархии называется линейным (хотя оно напрямую связано с изменением качества состояния и таким вот называться не может в принципе), а развитие в одной плоскости — нелинейным, то есть в самом начале происходит очевидная подмена понятий.

Ризома и рандом — не только аргумент и «научное» оправдание равноправного существования искусства, антиискусства и неискусства (безграмотной самодеятельности). Это ещё и инструмент господства рынка на территории искусства, возможность назначать шедеврами произведения, которые в здравом уме таковыми назвать иногда сложно.

Рандомно-рыночный принцип начал работать ещё в конце девятнадцатого века, когда «молодые» американские деньги стали утекать в Европу и тратиться на покупку европейских шедевров живописи. Тогда ситуацию решили просто: шедевры лучше назначать. А совсем скоро дело дошло и до литературы, однако тут цели были уже иными.

Но ризома и рандом с литературой несовместимы не только потому, что слово — инструмент формирования сознания, а речь — формула действия. Они несовместимы по сути. Ни одна нравственно-эстетическая задача произведения не может быть решена «случайно» и истолкована «произвольно»: «интерпретационный плюрализм» — это не просто отсутствие решения, но намеренный отказ от него.

Такой подход полностью уничтожает писательство как профессию и литературу как науку о жизни, внушая читателю иллюзию абсолютной свободы и нравственной безответственности, за что, в общем-то, всегда, неизбежно расплачиваются жизнью — и, что самое страшное, расплачиваются последовательно в течение нескольких поколений.

То есть это уже не срезание «под корень», а буквально выкорчёвывание. И в этом смысле литература — последний бастион глобальной битвы за человека. Поиски смысла жизни в интернет-постах — не более чем духовное бомжевание в чистом виде, в самом прямом значении.

Если кратко в архетипе семеричной структурной матрицы сформулировать «ступеньки» ценностно-смысловой иерархии, то всё становится более чем очевидным. Первый, начальный уровень смыслов обеспечивает чисто физическое выживание, второй — освоение пространства жизни, третий — самоорганизацию, четвёртый — осознание себя, самоосмысление, пятый — осмысленное, гармоничное включение в общее со-бытие, шестой представляет собой набор нравственных максим, регулирующих всеобъемлющее со-бытие, и, наконец, седьмой — сама идея существования человека, главный вопрос бытия.

Этот культурный архетип отражён во множестве культурных концепций, светских и религиозных, но мы сознательно упрощаем описание до схематичного, выявляющего принципиальную основу явления.

Освоение и воплощение смыслов происходит нелинейно и напрямую связано с изменением качества бытия. Одно дело выживать, балансируя на грани жизни и смерти, и совсем другое — осмысленно со-участвовать в со-бытии. Движение по смысловым ступенькам вверх — развитие, вниз — деградация, а уничтожением иерархии обеспечивается бессмысленное прозябание.

Ну и стоит, видимо, напомнить, что ценностно-смысловая иерархия либо является основой внутренней культуры общества, придавая ему высокую степень свободы, либо становится принуждающей — жёсткой внешней формой. А её отсутствие всегда — без исключения! — гибель, в личном и историческом аспектах. Вся большая литература — именно об этом. И если ценностно-смысловая иерархия «срезается» до «корневища», то это намеренно производится в отношении именно тех, кто не должен развиваться и расти, кто должен после непродолжительного бессмысленного прозябания уйти в историческое небытие.

Многослойная глобальная битва по большому счёту происходит не столько в политике и экономике, сколько в ценностно-смысловом поле — просто потому, что здесь результат долгосрочный и устойчивый. Это сегодня и стратегия мировой «элиты» по отношению к человечеству, и инструмент межгосударственной борьбы, и способ манипуляции массами при олигархическом капитализме.

Можно сказать, на современного человека навалилась тройная тяжесть, утроенная агрессия, и потому сегодня её остро, болезненно ощущает практически каждый. Но, возможно, именно

в тотальности этой агрессии и заключается шанс победить угрозу исторического суицида—ведь каждый нормальный человек изначально стремится жить и в той или иной степени обладает инстинктом истины, ведущим его через перипетии жизни.

Важно понять, что ризома в искусстве в целом и в литературе в частности—это принципиальная невозможность построения и удержания ценностно-смысловой иерархии. В ризоме всё равнозначно—надпись на заборе и многотомное литературное произведение, графоманский лепет и бессмертный литературный шедевр, а в плане наглядности—«Джоконда», например, и пресловутый «Чёрный квадрат». Ризома позволяет выбирать эталоны, образцы, смыслы, не сообразуясь с их действительной ценностью.

На первый взгляд такой выбор—чистый рандом, но если посмотреть внимательно, ни одна из «случайностей» не случайна: предпочтения диктуют идеология, рынок, наличие связей во властных структурах или выдающиеся способности к самопиару... В каждом конкретном случае выбор вполне себе целенаправленный. А вот по отношению к литературе—гибельный. Именно так и порождается хаос. Причём (ну это уже общее место, просто напоминаем) для русской культуры, цементирующей огромные географические пространства и широкое национальное разнообразие, этот хаос гораздо опаснее, чем для культур компактных и мононациональных.

Русская литература (как и любая другая национальная литература) никогда не была ризомой—она всегда была могучим деревом жизни, корни которого уходили в былинный эпос, к образам богатырей, пахарей и воинов, а крона восходила к смыслам вселенского бытия. Русское древо жизни взращивалось веками и стало одним из исполинов мировой культуры.

Идея человека, путь к Богу как магистральный смысл существования на земле—вот могучий ствол, который питают корни и крона. Как на месте могучего дерева может остаться корневище с тоненькими случайными побегами, у которых все шансы вымерзнуть грядущей зимой? Да очень просто.

Мы уже упоминали в предыдущей статье о профанации литературного труда. Она стала очевидной, к сожалению, ещё в советский период, когда литература была мобилизована для выполнения конкретно сформулированных целей культурного строительства. С одной стороны, прошло неизбежное при подобной мобилизации упрощение литературных задач, усилилась прагматическая сторона литературной деятельности в ущерб духовному поиску, появились литфункционеры в статусе писателей. С другой стороны, был создан привлекательно высокий социальный престиж писательской профессии.

В постсоветскую эпоху всё это аукнулось тем, что в писатели ринулись многие, просто знающие буквы и умеющие их более-менее грамотно складывать. Подсутелился рынок с неограниченными возможностями издания и рекламы (были бы деньги), активизировались пропагандисты новой идеологии, возрадовались паразитирующие на смысловом поле постмодернисты, неизбежно возникла антилитература, растерялись библиотекари и педагоги: ах, сколько писателей, и что—все настоящие?... Общие места про отсутствие квалифицированной объективной критики и тщетные попытки восстановить жизнеспособную литературную иерархию повторять здесь уже не будем, и так всё понятно: будет вам ризома—будет и рандом.

Проблема усугубляется год от года несколькими серьёзными внутренними факторами. Первый из них—давнее теперь уже разделение профессионального Союза писателей на две организации: Союз писателей России и Союз российских писателей, и постоянное искусственное подогревание раздора между ними. Если истинной подопрёжкой идеологического раскола 1990-х был пошлый имущественный вопрос, то сегодня цели уже иные. И профессионалов, разбирающихся между собой, активно вытесняют «любители», вытесняют массой и полным соответствием рыночным принципам сегодняшнего дня.

Вот, например, две новые крупные организации—Российский союз писателей (обратите внимание на сходство аббревиатур—СПР, СРП, РСР, и ведь не случайно принятие в РСР долго блуждают в трёх буквах, пытаюсь встать на учёт на местах!), www.rosspr.ru, более 5000 авторов, и Интернациональный союз писателей, inwriter.ru, существующий, по их собственной информации, с 1954 года, но в России появившийся недавно. В первых опциях на главной странице сайта: «Выдвинуться на международную премию в области литературы», «Выдвинуться на международный орден в области литературы», «Выдвинуться на международную медаль в области литературы». Заводная движуха, как тут устоять?

Не будем огульно охавать авторов—членов данных организаций, а также перечислять другие подобные сообщества, которых уже немало,—ограничимся констатацией: это ризома на организационно-государственном уровне, в юридическом смысле все организации равноправны, и выбор той или иной для чего бы то ни было—поддержки, сотрудничества—будет рандомным по отношению к литературе, то есть продиктованным совершенно иными соображениями—политическими, экономическими или даже родственными (бывает и такое).

Заявлять о своей легитимности и исключительном праве наследования единому Союзу писателей

советской эпохи смысла уже никакого нет. Юридическую правоту, возможно, доказать и получится, однако проблемы современного общественного статуса это не решит. Смысл остаётся только в мастерстве и профессионализме, объединении (или ассоциировании, если объединение представляется проблематичным) профессионалов, наследовании русской культурной традиции и отстаивании её всеми доступными средствами. Всё остальное — иллюзии и повод для раздора, а значит, и для дальнейшего ослабления позиций. Повторим: точно такой же статус общественных писательских объединений имеют и рыночно адаптированные сочинители.

Второй фактор, способствующий разрастанию ризомы, — массовое вступление литературной самодеятельности в ряды профессионалов: просто литактивом быть они уже не согласны. Как мы уже не раз писали, опасность получения литературной самодеятельностью профессионального статуса не в том даже, что размываются критерии литературы и вся она приобретает значение не большее, чем «домашняя радость», а в том, что самодеятельные авторы (в основном окончательно застрявшие в самом начале творческого пути) видят не дальше собственного текста, растиражированного типографским способом (желательно с картинками). Даже сочувствуя издалека делу общему, они заняты исключительно собой.

Решать эту проблему невероятно сложно, за каждым прямо поставленным вопросом — судьба человека, единомышленника в конечном итоге, но ризома внутри организации — ситуация несколько не проще, потому что само существование профессионального сообщества легко подпадает под действие случайного принципа.

И третий фактор — общее снижение качества культурного поля. Вот очередной характерный анекдот: на наше Совещание молодых были приглашены два начинающих автора из другого города. Накануне Совещания, в организационной суматохе, — звонок из библиотеки: приходите, приглашайте своих молодых авторов, к нам приехали писатели, будут творческая встреча и мастер-класс. Вам и вашим ребятам есть чему поучиться. Открываем афишу — надо же, наши гости! Очень славные ребята, поднаторевшие в пиаре, но буксующие пока в поэтических размерах и рифмах.

Мы хорошо побеседовали с ними на семинаре, помогли чем могли в работе над стихами, но в этом случае и на ряде других примеров поняли довольно горькую вещь: а ведь сегодня и библиотеки, хранилища и (по сути) экспертные центры литературы и книжной культуры, дезориентированы настолько, что выбор делают, исходя не из художественной ценности произведений, а случайно: кто заявляется, тот и выступает, кто приходит со своей

программой, того и принимают, кто хэдлайнер (а это уже новое слово в литературном деле) — того и тапки.

Констатировать подобные моменты, смеяться или ахать можно бесконечно. Но в итоге всё оказывается слишком серьёзно. Философия ризомы в применении к практике — это философия злокачественной опухоли, а случайный выбор в сфере нравственных задач — полный синоним обречённости, поскольку победа добра в принципе не может быть случайной.

Есть, правда, один нюанс, внушающий надежду и даже уверенность в том, что мы пройдем через это испытание и станем только сильнее. Литература иерархична по своей природе, это её сущностное свойство. И особенно глубоко оно проявлено в поэзии, затрагивающей глубинные слои психики, восстанавливающей структурную матрицу сознания.

Литература вполне способна противостоять уже добравшейся до неё ризоме. Важно, чтобы она не выпускала из поля зрения свою наивысшую цель. Сегодня писателю нельзя замыкаться в пределах собственной рукописи, библиотекарям и педагогам — довольствоваться поверхностным выбором, диктуемым рекламой, читателям — искать одних лишь только развлечений. Могучее древо нашей культуры — это древо жизни, и позволить спилить его до корневища — значит совершить преступление перед собой и потомками.

Часть 3. Но «дышат почва и судьба»!

(Литература и национальная идея)

Тройственная общественная задача литературы — сохранение культурной памяти, осмысление дня сегодняшнего и моделирование будущего — актуализируется буквально с каждым днём. Русская литература остаётся основой для взаимопонимания и объединения усилий в направлении будущего, инструментом свободного, ненасильственного упорядочивания общественных отношений. Но сегодня на смену этому инструменту приходит другой — более грубый и примитивный, опирающийся не на развитие самосознания личности, а на манипуляцию массовым и индивидуальным сознанием при помощи специальных информационных технологий. Самое страшное последствие происходящего — даже не социальная стагнация, а деградация личности и всей системы общественных отношений.

Происходит агрессивная подмена и самой сущности литературы «Актуальное» искусство стремится спилить древо культуры до пня и уравнивать в общественном значении истинную литературу — науку о человеке и жизни — с антилитературой, растлевающей человека, и с нелитературой — самодеятельными самовыражением. Инструмент

созидания личности заменяется инструментом её искоренения.

Есть ли у нас возможность противостоять этим угрожающим глобальным процессам, ставящим под вопрос само бытие человека как личности, творца, самосознающей сущности? Да, есть — и именно у русской литературы, объединяющей собой множество литератур национальных и образующей литературу российскую.

Русская литература уникальна в том смысле, что исторические особенности её формирования на фоне живой словесности породили феномен целостного эмоционального осмысления жизненных явлений. В то время как в западной культуре проходили процессы отделения науки от искусства и специализация наук о человеке и обществе, усложнялись коммуникации между ними, для каждой вырабатывалась своя система терминов, в России именно художественная литература объединила в себе конкретную проблематику насущного бытования человека со знанием социальным и общеполитическим. Русская литература являет в себе всю смысловую вертикаль — от идеи человека до бытийной практики — и доносит это до читателя в самой доступной форме, не ограничивая круг знания узкими специалистами.

Конференция, для которой подготовлена данная статья, проходит на благодатной земле Алтая. В самом её названии есть монгольский корень — алт, золото. Природное богатство края, осваиваемого русскими со второй половины семнадцатого века, не могло не породить и необычайного художественного богатства, ведь человек не только обрабатывает землю, добывая свой хлеб насущный, — он и осмысливает её, возвращая высшее значение своего бытия. И в полной мере это относится к литературе.

Россия знает имена алтайских писателей двадцатого века — самоучки Арсения Жиликова, Степана Исакова — певца революции на Алтае, Владимира Зазубрина — летописца Гражданской войны, поэта, педагога и общественного деятеля Порфирия Казанского, поэтов Вильяма Озолина и Леонида Мерзликина, поэта и драматурга Марка Юдалевича и многих, многих других... Сегодня, в веке двадцать первом, здесь работают известные прозаики Анатолий Кирилин, Александр Пешков, Юлия Нифонтова, поэты Елена Безрукова, Сергей Ключников, Валерий Котеленец, Валерий Тихонов, Сергей Филатов, Галина Колесникова, издатель и философ Виктор Буланчев...

Всероссийскими литературными праздниками стали Шукшинские дни в Сростках и фестиваль Роберта Рождественского в Косихе, они собирают тысячи людей. О народных литературных праздниках нужно сказать особо. Ведь именно в творчестве Василия Шукшина наиболее отчетливо отобразилось, как «дышат почва и судьба».

Его герои, современники, работают на земле, и, казалось бы, хлеба насущного им должно быть довольно, но нет — они не помещаются в быт, они взыскуют чего-то ещё, какой-то собственной истины, которую чувствуют в себе, но не могут пока реализовать...

Это очень русское ощущение жизни, трагическое и спасительное одновременно, ибо оно мучает, но и не даёт успокоиться зыбким благополучием, постоянно напоминая о душе, о её высоком предназначении, о круге истин, выходящих за пределы материально-насущного. Не случайно имя Шукшина стало таким притягательным для современников и потомков.

В центре патриотического воспитания молодёжи в селе Косиха, где родился советский поэт Роберт Рождественский, есть великолепная подборка песен на его стихи. На резком контрасте с современной демонстративно бездумной и часто прямо бессмысленной эстрадой эти песни, воодушевляющие, осмысливающие время, напоминают нам, что человек раскрывает свой личный потенциал только в большом деле, реализуя себя в общем — народном историческом порыве.

Две черты, так ярко выраженные в творчестве этих писателей, точно характеризуют русский народ, национальные особенности русской литературы. И к ним хотелось бы добавить ещё одну — для того, чтобы ответить на поставленный в начале доклада вопрос: сможет ли литература противостоять тотальной и тоталитарной социальной инженерии, позволит ли она оставить от могучего древа культуры ризому — пень со множеством случайных тонких побегов, под силу ли ей противостоять лавине расчеловечивания, обрушившейся на нас?

Третья русская черта, в полной мере отражённая литературой, — особая слитность с природой, ощущение двойственное — себя в пространстве и пространства как неотчуждаемой части личности. То самое чувство дышащей почвы, матери-земли. Не зря ведь даже в одном из славянских мифов говорится, что у человека два тела, разграниченные кожей, — малое (внутри) и большое (снаружи). И едва ли скоропалительная урбанизация двадцатого века способна искоренить в русском человеке ощущение простора и природных стихий как части внутреннего космоса. А ведь это особая жизнь — в особом природном темпоритме, в стихийной смене состояний... Жизнь, сложно постигаемая извне, но таинственно притягательная для культур, выросших на иных основаниях, на иной почве или утративших этот опыт в эпоху индустриальной урбанизации.

Да, сегодня крестьянская культура бытия, гармонично и устойчиво вписанная в русский Космос, почти разрушена, многократно оболгана, образ жизни резко изменился, но благодатный опыт наш

никуда не делся, он стал частью литературы, частью нашего культурного кода и в благоприятных условиях способен развернуться в полную силу. Вот они, три основы русской жизни: её неуместимость в сугубый быт, её природная естественность (а следовательно, и природная целесообразность) и потребность в максимально общем деле для наиболее полной реализации личных сил.

Мы не изобрели ничего нового: по сути, это очень краткий конспект русской художественно-философской мысли. Для чего он сейчас? Для того, чтобы сказать: наша литература уже сформулировала и явила нашу национальную идею, способную противостоять агрессии расчеловечивания. И эта идея притягательна для всего мира, потому что в центре её — человек: личность, укоренённая памятью и традициями в своей земле, ощущающая внешнее пространство своей жизни как неотъемлемую часть себя, личность, разворачивающая свой потенциал в общем совокупном усилии с Природой и Высшим основанием (Богом) обустроить мир по законам добра и красоты и принимающая на себя прямую ответственность за это обустройство. Утопия, скажете вы? Нет — стратегия.

Агрессии невозможно противостоять, не имея крепости, бастиона, собственного проекта бытия. И сейчас, когда пульс времени участился до горячего, самое время понять, чего же хотим мы. Иначе будет просто поздно. Национальную идею нельзя фокусировать на прогрессе, технологиях, соревнованиях экономических, промышленных или военных. Она должна быть абсолютно самостоятельной, самодостаточной, обнимающей все стороны жизни и нацеленной на решение центрального вопроса — вопроса о человеке. Кто мы, зачем мы здесь, на этой земле, в этой истории? Что передавать дальше, будущим поколениям, новым звеньям в цепи жизни? И ведь важно, чтобы было кому передать.

Проект человека-потребителя потерпел сокрушительный крах: оказалось, он породил загрязнителя и уничтожителя природы, беспощадного агрессора (надо же отвоёвывать ресурсы для потребления!) по отношению к внешнему миру и к себе подобным. Агрессия всё нарастает, и уже более чем очевидно, что проект потребления ведёт к «полной гибели всерьёз» всех, ибо начинает прямо противоречить законам природы, психики, жизнеспособного человеческого сообщества.

Мы видим, как обостряются проблемы экологические, как нарастают технологические сбои, как совсем молодые люди в самом начале пути выбирают не жизнь, а смерть — и не только для себя, но и для тех, кого считают виновными или просто оказываются рядом. От этих проблем нельзя спрятаться. Их нельзя утопить в новостном потоке. Их всё равно придётся решать. И чем раньше, тем меньше страданий и жертв.

Все «чёрные» мифы о вопиющей бессмысленности русской жизни, вечном русском рабстве и патологической лени — это инструменты идеологической войны, и они постоянно настороже только потому, что русская идея человека уже сформулирована, отточена, утверждена в системе доказательств — как прямых, так и по принципу от противного — в великой русской литературе, которая набрала свой золотой (в девятнадцатом веке), серебряный (в начале двадцатого века), стальной (советский) опыт и продолжается сегодня.

Русская идея человека — со-творца Природы и со-трудника Бога — произрастает из культуры крестьянской, то есть от самой почвы, земли, питающей нас хлебом, и обладает колоссальным потенциалом подлинной внутренней свободы. Но она же требует и внутренней организации, высокой культуры и мощной современной литературы, ведущей разговор по душам с каждым собеседником, реальным и потенциальным. Эта идея человека понятна и привлекательна в мировом масштабе, потому что её основа есть в матрице каждой культуры. По горизонтали бытия она может обеспечить взаимопонимание национальных культур, а по вертикали — определить формат культуры промышленной, научной, философской и согласовать, соразмерить с идеей человека все стороны жизни.

Антиподом идеи человека сегодня является трансгуманизм, черты которого туманны, но детали, проявляющиеся в разных аспектах деятельности, угрожающи. Трансгуманизм отталкивается от того, что идея человека себя исчерпала — он несовершенен, хрупок, смертен и, видимо, в конечном представлении просто ничтожен и жалок. Его нужно совершенствовать при помощи технологий или заменять вообще. Но такое возможно, только если исключить Божий замысел о человеке, о его месте в Универсуме, в Природе, на земле. Это прямой путь к катастрофе.

Что нужно современной литературе, чтобы донести идею человека до каждого человека? Во-первых, следует понимать, что деятельность писателя сегодня намного шире, чем работа над произведениями, — сами произведения являются лишь кратким художественным конспектом нравственного поиска. Нужно широкое пространство прямого диалога с читателем, личного общения — площадки не для литературных тусовок, где свои почитывают для своих, как происходит сплошь и рядом, а для глубоких разговоров о жизни и её смыслах. Это библиотеки, учебные заведения, учреждения культуры.

Во-вторых, нужны целевые программы книгоиздания — в том числе лучших произведений, адресных произведений — детям, подросткам, молодёжи. Им сегодня труднее всего, они дезориентированы, но у них и больше молодой воли

к жизни, и она не должна становиться волей к смерти, как только что произошло в Керчи и в Архангельске. Нужно признание писательства профессией, а литературы — государственным делом, и об этом мы говорим постоянно. Но пока этого нет, нужно объединять все заинтересованные здоровые силы, всё, что служит строительству личности, а не её разращению и растлению.

Земля и Слово — две важнейшие координаты этой деятельности. Возращивание хлеба материального и хлеба духовного — общий труд созидания человека. Это его согревают своим дыханием почва, мать-земля и судьба, за выполнение предназначений которой мы в конечном итоге оказываемся ответственны сами.

Вызов, брошенный человеку, глобален — ответ должен быть соразмерным. Вся деятельность Ассоциации писателей Урала являет собой пример успешной самоорганизации писателей в поисках

ответа на этот вызов. Результатом усилий стало сохранение литературного потенциала огромного региона Урала, Сибири и Поволжья в самые трудные для русской литературы годы, когда писатели были разобщены и поставлены буквально на грань выживания. Сегодня накоплен драгоценный опыт ассоциативной работы организаций Союза писателей России и Союза российских писателей в осмыслении острейших проблем современности, ведь происходящее напрямую касается всех, а тезис «разделяй и властвуй» легко превращается в «уничтожай поодиночке».

Национальная идея, выстраданная русской литературой и пронесённая через испытания двадцатого века, должна быть реализована в веке двадцать первом, иначе она будет подменена, вытеснена, уничтожена идеей трансгуманоидов — существ без земли, без памяти, без Бога и смысла бытия.